doi: 10.53658/RW2021-1-1-52-66

Сравнение экономических отношений России и Китая со странами Центральной Азии

Рахимов М.А., Парамонов В.В.

Координационно-методический центр новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан).

Аннотация. Центральная Азия (ЦА) – один из ключевых регионов во внешней политике Российской Федерации (РФ) и Китайской Народной Республики (КНР). Взаимодействие стран ЦА с РФ и КНР, российская и китайская вовлеченность в дела региона имеют свою специфику. Отличается и значение региона, его конкретных государств для России и Китая, а также характер взаимосвязей этой большой группы акторов друг с другом и остальным миром. В данной статье на базе комплексного, системного, сравнительно-сопоставительного и междисциплинарного подходов анализируются основные направления взаимоотношений ЦА с РФ и КНР. Отмечается, что экономические отношения стран региона с Россией и Китаем носят разноплановый, разноплоскостной и разноформатный характер. Обозначены и аргументированы такие ключевые проблемы, как экономико-географическая замкнутость Центральной Азии и ряда территорий России и Китая, преимущественно сырьевая ориентация большинства экономик, слабость экономической интеграции в ЦА, а также в рамках конкретных ключевых институтов, асимметрия экономического развития РФ и КНР. Указывается, что именно решение стратегических задач может и должно стать главным стимулом к выстраиванию механизмов многопланового и полноценного сотрудничества на двустороннем и многостороннем уровнях не только между Центральной Азией и Китаем, но и между Центральной Азией и Россией. Это позволит вывести процесс региональной и межрегиональной экономической интеграции на внутренних пространствах континента на качественно новый уровень, положить начало формированию устойчивой институциональной основы, призванной обеспечивать комплексную безопасность (экономическую, политическую, социальную и иную) и поступательное развитие Евразии.

Ключевые слова: Центральная Азия, Россия, Китай, взаимоотношения, экономика

Об авторах: Мирзохид Акрамович РАХИМОВ – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Координационно-методического центра новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан. ORCID: 0000-0001-5414-8498. *Адрес:* 100047, Узбекистан, Ташкент, ул. Я. Гулямова, 70. *E-mail:* mirzonur@yahoo.com; mirzohidr@mail.ru. Владимир Владимирович ПАРАМОНОВ – кандидат политических наук, докторант Координационно-методического центра новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан, руководитель аналитической группы “Центральная Евразия”. *Адрес:* 100047, Узбекистан, Ташкент, ул. Я. Гулямова, 70. *E-mail:* ceasiapost@gmail.com; v_paramonov@yahoo.com.

С обретением Кыргызстаном, Казахстаном, Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном государственной независимости Центральная Азия превратилась в самостоятельный регион. Его современный и будущий облик во многом определяется взаимоотношениями с ближайшими соседями, в первую очередь такими крупными государствами, как Россия и Китай. В свою очередь, центральноазиатское направление

объективно остается одним из ключевых во внешней политике самих РФ и КНР. Это представляется естественным, учитывая расположение региона в центре Евразии – на стыке географии и интересов не только этих, но и многих других международных акторов. Однако взаимодействие республик Центральной Азии с Россией и Китаем, российская и китайская вовлеченность в дела региона имеют свою специфику, как и отличается значение ЦА, ее конкретных государств для РФ и КНР, а также характер взаимосвязей этой большой группы участников международных отношений друг с другом и остальным миром.

Более того, возрастающая роль Центральной Азии на больших пространствах также во многом предопределяет актуальность углубления научно-концептуального и прогнозно-стратегического восприятия прошлого, современного и будущего взаимодействия стран ЦА с РФ и КНР, политики России и Китая в регионе, сравнительно-сопоставительного анализа российского и китайского факторов.

В данной статье на базе комплексного, системного, сравнительно-сопоставительного и междисциплинарного подходов анализируются основные направления экономических взаимоотношений ЦА с РФ и КНР.

Краткий обзор основных исследовательских парадигм

Научные и иные исследования, посвященные изучению различных аспектов отношений стран Центральной Азии с Россией и Китаем, проводятся в ведущих научных и аналитических структурах, высших образовательных учреждениях, фондах самих стран региона, России, Китая и целого ряда других государств.

По вопросам взаимодействия стран ЦА с РФ и КНР в международной научной и аналитической среде продолжается глубокая переоценка глобальных, региональных и национальных процессов с участием в них России и Китая, а также государств Центральной Азии. В аналитических и научных кругах США и Европы в целом постепенно ужесточается критика российской и китайской политики на глобальном, региональном и национальном уровнях. Как следствие, это отражается и на всем контексте академического и экспертного восприятия характера взаимодействия республик региона с Россией и Китаем, обозначения проблем на этом пути, соответствующем наборе рекомендаций и алгоритмов действий для самих стран региона (Brzezinski 1997; Blank & Kim 2016; Blank 2017; Cornell & Swanström 2020; Blank 2021).

Кроме того, на Западе по-прежнему популярны тезисы о противоречиях, конкуренции и столкновении интересов РФ и КНР в целом и в ЦА в частности. С другой стороны, в России и Китае, а также связанных с ними научных и образовательных структурах Центральной Азии вопросы внешней политики и российско-китайского взаимодействия в регионе, наоборот, оцениваются преимущественно позитивно. При этом основное внимание уделяется поиску механизмов дальнейшего углубления как двустороннего, так и многостороннего сотрудничества стран ЦА с РФ и КНР, усилению российских и китайских позиций, а также противодействию влиянию США и их ближайших союзников. Однако, как российской (Чуфрин 2010; Наумкин и др. 2013; Казанцев и др. 2016, с. 19; Лузянин 2018) стороной, так и китайской (Лифань & Шиу 2004; Чжэн 2008; Фань 2018; Чжэньпэн 2019) все еще мало внимания уделяется критическому научному обсуждению существующих проблем на пути развития отношений между РФ и КНР, в том числе в системе «Центральная Азия – Россия – Китай».

На этом фоне более сбалансированные оценки, тем не менее выстроенные в контексте проведения странами ЦА активной многовекторной политики,

представлены большинством центральноазиатских государств, отдельными европейскими структурами и учеными, а также международными организациями (Алимов и др. 2002; Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии 2005; Ауелбаев 2016; Султанов 2019). Данные исследования нацелены на изучение вопросов международных отношений в Центральной Азии и вокруг нее, поиск механизмов балансирования стран региона между крупными акторами. При этом в данном сегменте исследований повышен интерес к формированию условий для внутри- и межрегионального сотрудничества.

В свою очередь, представители научных, аналитических и образовательных учреждений ряда азиатских государств (например, Афганистана, Индии, Ирана, Южной Кореи, Пакистана, Турции, Японии), уделяя внимание обзору широкого спектра мнений по вопросам взаимодействия стран Центральной Азии с Россией и Китаем, традиционно аналитически больше сфокусированы на связанных с этим аспектах двусторонних отношений с ЦА и политики в регионе, представляемых конкретными экспертами на общем фоне процессов в Евразии, в том числе в Афганистане (Faisal 2021; Herat Security Dialogue… 2017; Sachdeva 2018; Rauf 2017; Uyama 2018).

Прослеживаются порой явно завышенные оценки реальной и потенциальной роли своих государств в регионе, в том числе в контексте развития отношений с РФ, КНР, другими внешними акторами. Важно и то, что значительный спектр подобного рода работ остается на обочине как регионального, так и международного академического дискурса.

Динамика торгово-экономических отношений

В экономических отношениях стран ЦА с РФ и КНР особо выделяется торгово-экономический сегмент, в рамках которого наиболее заметны динамика, а также другие количественные и качественные показатели взаимодействия конкретных государств Центральной Азии и региона в целом с Россией и Китаем. Причем масштабы торгово-экономических отношений стран региона с двумя державами существенно отличаются. Эти различия касаются как собственно объемов двусторонней торговли (Таблица 1), так и значения торговли с РФ и КНР для конкретных стран ЦА.

Таблица 1

Объемы торговли стран Центральной Азии с Россией и Китаем: сравнительно-сопоставительный срез (1992 – 2020)[1]
Trade volumes of Central Asian Countries with Russia and China: comparative cross-section (1992 – 2020)

Годы	Товарооборот стран Центральной Азии с Россией, млн долларов США	Товарооборот стран Центральной Азии с Китаем, млн долларов США
1992	6360	422
1993	6750	512

1 Данные за период 1992 – 1999 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы стран ЦА (Key Indicators of Developing Asia and Pacific Countries, Asian Development Bank, 2002); данные за период 2000 – 2007 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы стран ЦА (Kazakhstan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008; Kyrgyzstan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008; Tajikistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008; Turkmenistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008; Uzbekistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008); данные за период 2008 – 2020 годов – Международный торговый центр.

1994	6143	360
1995	7679	486
1996	7244	674
1997	6833	699
1998	5411	588
1999	3695	733
2000	6469	1041
2001	5924	1478
2002	5464	2798
2003	7088	3305
2004	10463	4337
2005	13227	8297
2006	14869	10796
2007	21787	16038
2008	26751	30823
2009	18490	23546
2010	21831	30111
2011	28478	39605
2012	32163	45943
2013	31074	50274
2014	28670	45021
2015	20431	32616
2016	18077	30044
2017	22861	35878
2018	25826	41662
2019	28258	46484
2020	28378	38557

Тем не менее следует признать, что масштабы двусторонней торговли экономически наиболее крупных стран региона, таких как Казахстан и Узбекистан с Россией и Китаем, все еще примерно сопоставимы (Таблицы 2 и 3), а основной прирост в объемах торговли обеспечивается во многом за счет увеличения объемов торговли (сырьевыми ресурсами) с КНР Туркменистана, Кыргызстана и Таджикистана на фоне более низкого темпа роста объемов торговли этих стран с РФ.

Таблица 2

Объемы торговли Казахстана с Россией и Китаем:
сравнительно-сопоставительный срез (2013 – 2020)[2]
Trade volumes of Kazakhstan with Russia and China: comparative section (2013 – 2020)

Год	Товарооборот Казахстана с Россией, млн долларов США	Товарооборот Казахстана с Китаем, млн долларов США
2013	22883	28658
2014	21034	22452
2015	15550	14267
2016	13039	13037
2017	17241	17975
2018	18219	19857
2019	19622	22066
2020	18996	21447

2 Данные за период 2013 – 2020 годов – Международный торговый центр.

Таблица 3

Объемы торговли Узбекистана с Россией и Китаем:
сравнительно-сопоставительный срез (2013 – 2020)[3]
Trade volumes of Uzbekistan with Russia and China: comparative section (2013 – 2020)

Год	Товарооборот Узбекистана с Россией, млн долларов США	Товарооборот Узбекистана с Китаем, млн долларов США
2013	4061	4551
2014	3984	4276
2015	2797	3503
2016	2726	3640
2017	3639	4239
2018	4384	6266
2019	5086	7226
2020	5881	6629

После выхода на уровень 26 млрд долларов по результатам 2008 года в последующие два года объемы товарооборота между государствами региона и Россией снизились примерно на 5–8 млрд. В дальнейшем, после периода очередной нестабильности, показатели торговли вновь стали демонстрировать более-менее поступательный рост, достигнув по итогам 2019 – 2020 годов более чем 28 млрд долларов.

Несмотря на то, что торгово-экономические отношения между государствами Центральной Азии и Китаем характеризуются большим постоянством и более высокими темпами роста объемов торговли, тем не менее и на них негативно сказался глобальный финансовый кризис 2008 – 2009 годов. В частности, по итогам 2009 года объемы товарооборота снизились примерно на 7 млрд долларов. Затем торговля вновь стала демонстрировать рост, выйдя на уровень 45–50 млрд уже в период 2012 – 2014 годов. По мере же формирования (начиная с января 2015 года) Евразийского экономического союза входящие в него Казахстан и Кыргызстан ужесточили торговый режим с Китаем. С учетом того, что эти две страны традиционно играли важную роль в реэкспорте китайских товаров, возможно, что во многом именно создание с их участием ЕАЭС и привело к небывалому ранее сокращению объемов торговли с КНР. Особенно это было заметно в период 2015 – 2016 годов – на начальном этапе функционирования ЕАЭС. В частности, по результатам 2016 года центральноазиатско-китайский товарооборот снизился на примерно 15–20 млрд долларов. Тем не менее в последующие годы вновь стала наблюдаться тенденция роста масштабов торговли, и уже по итогам 2019 года товарооборот государств региона с Китаем составил более чем 46 млрд долларов. Однако по результатам 2020 года товарооборот вновь снизился, составив чуть менее 40 млрд долларов, что, скорее всего, было связано с последствиями карантинных ограничений.

Сравнить же показатели экономических отношений стран ЦА с РФ и КНР в других сегментах достаточно сложно, так как они носят разноплановый, разноплоскостной и разноформатный характер. Например, казалось, что Россия уже уступает Китаю по объемам финансовых ресурсов, вложенных в государства региона: так, российские инвестиции оцениваются на уровне 20 млрд долларов[4], их можно рассматривать как несущественные на фоне порядка 125–140 млрд долларов китайских инвестиций и кредитов. Однако, те же кредиты из КНР занимают более половины всей суммы китайских финансовых ресурсов.

Причем только за период 2007 – 2017 годов объем «финансового содействия» России государствам Центральной Азии (как на двусторонней, так и на многосторонней основе)

3 Данные за период 2013 – 2020 годов – Международный торговый центр.

4 Лавров С.В. Россия – Центральная Азия: партнерство, испытанное временем, Российская газета, 4.10.2017.

превысил 6 млрд долларов и, кроме того, была списана задолженность Кыргызстану (488 млн долларов) и Узбекистану (865 млн долларов)[5]. В свою очередь, данные о списании Китаем долгов не известны по причине того, что в отличие от той же РФ Китай, по экспертным оценкам, «не раскрывает информации о деталях двусторонних долговых соглашений» (Hurley at al. 2018: p. 19). Поэтому доступные сведения о списании КНР долгов или отсутствуют, или носят противоречивый характер, оставляющий широкое поле для различных двусмысленных трактовок и инсинуаций. Все это свидетельствует как о разном качестве, так и о различных подходах двух держав к выстраиванию финансового в частности и экономического в целом сотрудничества с ЦА.

Более того, отдельного внимания заслуживает один из наиболее масштабных и динамично развивающихся сегментов отношений между странами региона и Россией – сегмент трудовой миграции. Так, по данным со ссылкой на Федеральную миграционную службу и Министерство внутренних дел РФ, по состоянию на 2019 год в России находилось не менее 4,5 млн граждан стран региона: граждан Таджикистана – около 1 млн 255 тысяч; граждан Узбекистана – примерно 2 млн 99 тысяч; граждан Кыргызстана – около 713 тысяч; граждан Казахстана – примерно 480 тысяч (Малева 2019).

В свою очередь, количество граждан Туркменистана, временно находящихся в России, а тем более занимающихся трудовой деятельностью, скорее всего, сравнительно невелико, однако в случае снижения визовых барьеров может кардинально вырасти.

С одной стороны, значение трудовой миграции из ЦА высоко для РФ как с точки зрения экономической, так и других сфер. В этой связи заслуживает внимание исследование, согласно которому только в период 2013 – 2017 годов вклад иностранной рабочей силы из государств региона составил 4–4,5% российского ВВП (Икромов 2019).

С другой стороны, для самих стран Центральной Азии вопросы трудовой миграции в Россию также играют важную социально-экономическую роль. В частности, традиционно остаются значительны объемы валютных поступлений из РФ в государства ЦА со стороны частных лиц, в первую очередь в результате их трудовой деятельности. По официальным российским данным, только за период 2013 – 2016 годов трудовые мигранты из стран региона перевели в свои государства более 37 млрд долларов[6]. В свою очередь, только за период 2018 года из РФ (как ее гражданами, так и нет) было переведено порядка 10 млрд долларов США: около 4,1 млрд долларов в Узбекистан, 2,5 – в Таджикистан, 2,4 – в Кыргызстан, 0,8 – в Казахстан и около 0,05 – в Туркменистан[7]. Как представляется, с учетом других форм отправки / перевода денежных средств из России в страны ЦА объемы ежегодных финансовых поступлений от частных лиц могут быть еще выше.

На этом фоне, казалось бы, Китай более успешен, чем Россия, в развитии сотрудничества в транспортно-коммуникационном сегменте, форсируя в регионе формирование системы коммуникаций и транзита, развивая проекты в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Однако важно отметить, что между ЦА и РФ уже существует устойчивая транспортно-коммуникационная система, которая была создана еще в период СССР. К тому же в рамках этой системы более высоко влияние ряда важных социальных факторов: свободы передвижения людей (отсутствие виз со всеми странами ЦА, кроме Туркменистана), свободы перемещения финансовых ресурсов (в первую очередь частные денежные переводы), сохранившиеся элементы языковой и социально-культурной общности народов бывшего Советского Союза. Все это выгодно отличает Россию от Китая.

5 Там же.
6 Там же.
7 Центральный Банк РФ, 2019. Денежные переводы из России в Узбекистан за 2018 год превысили $4 млрд, сайт “KUN.UZ” (РУз), 20.03.2019.

Комплекс проблем межгосударственных отношений

Анализ сложившихся форматов отношений стран Центральной Азии с Россией и Китаем высвечивает сложный комплекс проблем на пути развития сотрудничества государств ЦА с РФ и КНР. Среди данных проблем важно выделить следующие:

1) *Экономико-географическая замкнутость Центральной Азии, а также ряда территорий России и Китая.* Проблема связана прежде всего с географической удаленностью ЦА, ряда регионов РФ, а также отчасти – КНР от морских коммуникаций и их территориально-экономической замкнутостью в глубине Евразии (Arvis et al. 2010). В современной мировой экономике морской транспорт в целом более предпочтителен, чем железнодорожный, автомобильный и воздушный. Поэтому страны Центральной Азии, большинство промышленных регионов России (Урал, Сибирь и ряд других) и внутренние районы Китая (такие как СУАР) географически удалены от морских коммуникаций (главных артерий мировой торговли), а территориально-экономически находятся далеко в стороне от основных рынков.

Для КНР проблема экономико-географической замкнутости характерна лишь отчасти, так как подавляющее большинство китайских промышленных центров расположено на побережье Тихого океана, а крупные порты находятся вблизи от основных мировых морских коммуникаций. Только с середины – конца 1990-х годов КНР стала уделять больше внимания решению данной проблемы (Сыроежкин 2006, с. 110).

В свою очередь, для России проблема экономико-географической замкнутости является более острой, нежели для Китая. Хотя, в отличие от той же ЦА, РФ имеет прямой выход к мировому океану, однако большая часть российского побережья омывается водами северных морей, а доступ России к основным мировым морским коммуникациям ограничен. Исключением в данном плане является крупный порт Владивосток, но он, в свою очередь, более чем на 7000 км удален от главных промышленных центров России, расположенных в европейской части страны. Для российской экономики характерны огромные расстояния между крупными экономическими объектами и сильная удаленность большинства промышленных центров страны даже от российских морских портов.

На этом фоне особо остро проявилась данная проблема для стран ЦА после дезинтеграции единого экономического пространства бывшего СССР, что было отягощено и разрывом складывавшихся десятилетиями производственных цепочек. При этом Узбекистан стал одним из двух в мире т.н. дважды замкнутых (doubly landlocked) государств (другая страна – Лихтенштейн). В свою очередь, Таджикистан обладает еще более сложными географическими условиями, так как большая часть таджикской территории расположена в высокогорной местности, а наиболее эффективное сухопутное транспортное сообщение может развиваться только через тот же «дважды замкнутый» Узбекистан. По экспертным оценкам, «стоимость транспортировки товаров из географически замкнутых стран более чем на 50% выше стоимости транспортировки товаров из приморских государств» (Molnar and Ojala 2003, p. 39). В целом же проблема экономико-географической замкнутости Центральной Азии, с одной стороны, связана с удаленностью региона от морских коммуникаций: это обуславливает удорожание грузоперевозок в силу того, что сухопутные перевозки объективно дороже морских. С другой стороны, данная проблема во многом определяется фрагментацией экономического пространства ЦА, что как по объективным, так и по субъективным причинам предопределяет замкнутость региона в системе сухопутного транспортного сообщения в Евразии.

2) *Сырьевая ориентация экономик стран Центральной Азии и России на фоне слабости их усилий по индустриальному развитию.* Данная проблема во многом

обусловлена низким уровнем экономического взаимодействия между постсоветскими странами в целом, а также политикой РФ и ряда государств ЦА, направленной на экспорт преимущественно сырьевых ресурсов и диверсификацию направлений их поставок на внешние рынки (Синицина 2012, с. 11–14, 19, 40, 61, 67, 71, 73, 79, 80). При этом в случае Центральной Азии характерно и то, что еще в советское время экономическая деятельность в регионе была ориентирована главным образом на удовлетворение потребностей других советских республик в сырьевых ресурсах и в меньшей степени – на выпуск готовой продукции.

В целом же имевшее место после распада СССР резкое ослабление промышленного взаимодействия в итоге и закрепило за экономиками стран Центральной Азии и России сырьевую ориентацию. Это отразилось и на значительном снижении объемов товарооборота и грузоперевозок между всеми постсоветскими республиками.

Кроме того, имело место падение грузоперевозок, в том числе железнодорожным транспортом – экономически наиболее рентабельным на больших пространствах. Об этом, в частности, свидетельствуют следующие данные экспертов из РФ: в период 1992 – 1998 годов только на российских железных дорогах грузооборот снизился в 2,5 раза, в 1998 году отправление грузов составило около 43% от уровня 1991 года, «образовался избыток мощностей железных дорог и обслуживающего персонала, что привело к снижению доходов железных дорог, в 1996 году – к их убыточности» (Пластинина, Корзин 2020, с. 64). В количественных показателях перевозки грузов железнодорожным транспортом в период 1990 – 1998 годов по территории России снизились с более чем 2 млн тонн до примерно 800 тыс. тонн, а в период 1988 – 1998 годов – в 2,5 раза (Кара-Мурза 2002). В настоящее время объемы грузоперевозок на железнодорожном транспорте по территории РФ, несмотря на определенный рост, так и не достигли советского уровня: в период 2008 – 2019 годов они оставались на традиционно низком уровне – 1,1–1,4 млн тонн[8].

3) *Отсутствие экономической интеграции в самой Центральной Азии, а также в рамках конкретных ключевых институтов.* Данная проблема во многом определяется международной конъюнктурой вокруг ЦА и постсоветского пространства, превалированием у рассматриваемых государств краткосрочных узконациональных интересов над видением стратегических перспектив многостороннего сотрудничества. С одной стороны, интеграцию в значительной степени сдерживает устойчивая тенденция обострения внешней конкуренции за сферы влияния в Центральной Азии и других постсоветских странах. Это выражается в столкновении различных внешних стратегий по так называемому форматированию и переформатированию постсоветского пространства в рамках выгодных институтов, проектов, концепций и схем развития. Обостренное чувство национального суверенитета во многом препятствует видению многостороннего сотрудничества как выигрышной ситуации для всех участников интеграции. При этом сами постсоветские страны действуют разрозненно, пытаются проводить многовекторную политику балансирования между основными мировыми и региональными центрами силы. Более того, интеграции препятствует и то, что Россия и Китай – лидеры наиболее действенных интеграционных институтов (СНГ, ЕАЭС, ОДКБ и ШОС) – уделяют все еще крайне мало внимания реальному экономическому укреплению данных организаций, как и развитию самой экономической интеграции. Экономическое же взаимодействие РФ и КНР с теми же государствами ЦА осуществляется преимущественно на двусторонней основе.

4) *Асимметрия экономического развития России и Китая.* Хотя объемы российско-китайской торговли поступательно увеличивались, структура товарооборота показывала,

8 Перевозки грузов по видам транспорта по Российской Федерации: период 2008 – 2019 годов, Федеральная служба государственной статистики РФ (Росстат), 27.07.2020: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 12.09.2020).

что российские поставки в КНР были представлены фактически только лишь сырьем, в то время как поставки из КНР в РФ – готовой продукцией с высокой степенью переработки. Это отмечали и российские ученые, уже по состоянию на середину второго десятилетия нынешнего века, констатируя, что «главными экспортными товарами из России в Китай по-прежнему остаются органические химические удобрения, нефть и лес-кругляк» (Карицкая и др. 2017, с. 25).

В целом между РФ и КНР так и не сформировалось полноценных экономических отношений, которые предполагали бы интенсивное инновационно-производственное и инвестиционное взаимодействие, а в итоге – высокий уровень структурно-технологической взаимозависимости различных отраслей национальных экономик. В этих условиях не может просматриваться и общности долгосрочных экономических интересов двух держав, а наоборот – имеет место преобладание краткосрочных коммерческих соображений. Во многом это связано с тем, что стратегические направления развития экономик России и Китая давно приобрели четко выраженную асимметрию, принципиально отличаются друг от друга. Так, Китай – страна с динамично развивающейся экономикой, и, как отмечают эксперты, доля Китая в мировой экономике уже выросла с 3,6% в 2000 году до 17,8% в 2020 году, а к 2028 году КНР может стать ведущей экономикой мира[9].

В отличие от Китая Россия продолжает выступать как страна с сохраняющейся сырьевой направленностью развития экономики, которая жестко привязана к конъюнктуре глобальных и региональных рынков сырья (главным образом углеводородов). Причем показательно и то, что сложившаяся сырьевая ориентация российской экономики характерна в отношениях не только с Китаем, но и с остальным миром. Сложившаяся многолетняя практика масштабных поставок за пределы РФ сырьевых ресурсов долгое время рассматривалась как надежный источник поступления финансовых средств как в российский бюджет, так и на счета компаний, занимающихся добычей и экспортом. Например, по итогам 2020 года основная доля поставок в структуре экспорта России пришлась на товары, которые от 70 до 85% можно с уверенностью отнести к сырьевым ресурсам или продуктам низкой степени передела[10].

По итогам 2020 года товарооборот между РФ и КНР составил около 104 млрд долларов, экспорт из России в Китай – примерно 49 млрд долларов, а импорт России из Китая – почти 55 млрд долларов. Доля КНР во внешнеторговом обороте РФ в 2020 году составила немногим более 18%, причем по доле в российском товарообороте Китай занял первое место. В структуре экспорта из РФ в КНР в 2020 году основная доля поставок пришлась на товары, среди которых сырье и продукты низкой степени передела составляют от 80 до 95%. В свою очередь, в структуре импорта России из Китая в 2020 году основная доля поставок пришлась на товары, более 90% которых относится к промышленной продукции[11].

Таким образом, де-факто с экономической точки зрения Китай является для России главным образом всего лишь перспективным рынком поставок сырья в рамках стратегии диверсификации экспортных поставок и выхода на новые рынки сбыта. Асимметрия экономического развития, в свою очередь, предопределяет различие целей и задач, которыми руководствуются РФ и КНР при формировании подходов к развитию, выстраиванию экономического сотрудничества как друг с другом, так и со странами

9 Экономика Китая может обогнать США к 2028 году. А где будет Россия? Сайт русской службы “Би-Би-Си” (Великобритания), 26.12.2020: https://www.bbc.com/russian/news-55449234 (дата обращения: 12.03.2021).

10 Источник: данные Федеральной таможенной службы РФ. Внешняя торговля России в 2020 году, Внешняя торговля России, 13.02.2021: https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/vneshnyaya-torgovlya-rossii-v-2020-godu/ (дата обращения: 12.03.2021).

11 Там же.

ЦА. Как представляется, асимметричность существенно препятствует формированию прочного фундамента равноправных и взаимовыгодных экономических двусторонних отношений, без чего немыслимо выстраивание прочных и долгосрочных отношений в других сферах, в том числе применительно к Центральной Азии и в рамках ШОС, инициативы «Один пояс – один путь» и др.

Заключение и предложения

В целом проведенный сравнительно-сопоставительный анализ преимущественно экономических отношений свидетельствует о нижеследующем:

Структура торговли государств ЦА с РФ и КНР отражала факт ярко выраженной сырьевой ориентации экономик стран региона. Доля сырьевых ресурсов в поставках из Центральной Азии не только в Китай, но и даже в Россию неуклонно увеличивалась, причем во многом за счет снижения доли поставок готовой продукции. При этом в силу сырьевой ориентации экономик государств региона объемы экспорта сильно зависели от конъюнктуры мировых цен на сырьевые ресурсы. В этой связи имевшие место изменения мировых цен на те или иные виды сырья нередко приводили к колебаниям в динамике двусторонних товарооборотов центральноазиатских государств с Россией и Китаем.

Четко проявилась тенденция постепенного, но неуклонного усиления экономического сотрудничества между странами ЦА и КНР. Эта тенденция развивалась параллельно с другой тенденцией – интенсификацией экономических связей между Россией и странами региона. Причем усиление экономического сотрудничества государств Центральной Азии с Китаем происходило более высокими темпами, нежели восстановление экономических связей государств региона с Россией. Немаловажным является и то, что усиление экономического сотрудничества стран ЦА с КНР шло в основном за счет поставок в регион готовой продукции. Китайские производители проявили себя как более конкурентоспособные, чем российские и центральноазиатские, уверенно теснили последних.

Сравнить же другие показатели экономических отношений стран ЦА с РФ и КНР достаточно сложно. Например, казалось бы, Россия уже уступает Китаю по объемам финансовых ресурсов, вложенных в государства региона. Однако те же кредиты из КНР занимают более половины всей суммы китайских финансовых ресурсов в регионе. Это свидетельствует как о разном качестве, так и о различных подходах двух держав к выстраиванию финансового в частности и экономического в целом сотрудничества с ЦА. Более того, в отличие от отношений с КНР в отношениях между странами региона и РФ развивается принципиально важный и крайне динамичный сегмент – миграция, в рамках которого сохраняется глубокая финансовая и экономическая в целом, социальная, политическая и иная взаимозависимость.

На этом фоне, казалось бы, Китай более успешен, чем Россия, в развитии сотрудничества в транспортно-коммуникационном сегменте, форсируя в регионе формирование системы коммуникаций и транзита, развивая проекты в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Однако, еще раз следует отметить, что между ЦА и РФ уже существует устойчивая транспортно-коммуникационная система. К тому же в рамках этой системы более высоко влияние ряда важных социальных факторов: свободы передвижения людей, свободы перемещения финансовых ресурсов, сохранившиеся элементы языковой и социально-культурной общности народов бывшего Советского Союза. Тем не менее в целом следует признать, что РФ пока уступает КНР с точки зрения выработки стратегии и проектного подхода по формированию и развитию

новой транспортно-коммуникационной системы в ЦА, а также системы транзита через территорию региона.

В отношениях стран Центральной Азии с Россией и Китаем существуют следующие четыре ключевые проблемы: экономико-географическая замкнутость Центральной Азии, а также ряда территорий России и Китая; преимущественно сырьевая ориентация экономик стран Центральной Азии и России на фоне слабости их усилий по индустриальному развитию; отсутствие экономической интеграции в самой Центральной Азии, а также в рамках конкретных ключевых институтов; асимметрия экономического развития России и Китая.

Основываясь на изложенном выше, можно предположить следующее:

Во-первых, динамика и масштабы экономических отношений стран ЦА с РФ и КНР, скорее всего, будут расти лишь там, где Китай будет наращивать свое присутствие в регионе более высокими темпами (безусловно, если не произойдет неких форс-мажорных обстоятельств): по крайней мере в краткосрочной (до 5 лет) и в среднесрочной (от 5 до 15 лет) перспективе. Что же касается долгосрочной перспективы (более 15 лет), то горизонт прогнозирования является очень узким, принимая во внимание, что такая специфичная сфера, как экономика, значительно подвержена влиянию различных факторов в других сферах, в первую очередь политики и безопасности, причем прежде всего глобального и межрегионального характера.

Во-вторых, в условиях наличия ряда важных проблем пути развития отношений стран ЦА с РФ и КНР с точки зрения будущего более-менее четко просматривается лишь ряд важных моментов. Так, будущее тех же центральноазиатско-российских отношений, безусловно, зависит от многих факторов – как внутренних, так и внешних. Однако, улучшение всего формата отношений между Центральной Азией и Россией возможно при условии, что в XXI веке РФ будет играть ключевую или, по крайней мере, важную роль в обеспечении экономического прогресса региона. Для этого РФ необходимо изменить свою экономическую стратегию, сориентировав ее на цели промышленного и транспортно-коммуникационного развития. При этом России будет нужно и окончательно отказаться от ложного восприятия ЦА как «груза» – «убыточного региона», осознав, что при грамотной стратегии, учитывающей все основные сегменты и сферы отношений (включая миграцию), именно Центральная Азия способна стать одним из наиболее эффективных мест приложения российского капитала (финансового, технологического, интеллектуального и т.п.) и гарантом стабильности всей внутренней Евразии. Как представляется, по мере осознания этого можно будет говорить не только о начале принципиально нового этапа отношений между РФ и ЦА, но и о достижении кардинальных успехов в процессах реиндустриализации, экономической кооперации и интеграции на постсоветском пространстве.

В-третьих, дальнейшее улучшение статуса ЦА в качестве безопасного транзитного пространства между Азией и Европой, развитие сотрудничества в реальных секторах экономики, в том числе с привлечением передовых зарубежных технологий. Это должно предполагать одновременное форсирование разноскоростной региональной экономической кооперации и интеграции в рамках СНГ и ЕАЭС, улучшение глобального и регионального форматов отношений между Россией, Китаем, США, Европейским союзом, Индией, Пакистаном, Ираном и др., кардинальное усиление экономической кооперации и сотрудничества в сфере безопасности в рамках ШОС и конкретных структур этой организации.

Представляется, что именно решение этих стратегических задач может и должно стать главным стимулом к выстраиванию механизмов многопланового и полноценного сотрудничества на двустороннем и многостороннем уровнях в системе «Центральная Азия – Россия – Китай».

Источники

Алимов, Р.М., Арифханов, Ш.Р., Ризаев, С.Р., Толипов, Ф.Ф. (2002), *Центральная Азия: геоэкономика, геополитика, безопасность,* Ташкент.

Ауелбаев, Б.А. (2016), *Центральная Азия – 2020: четыре стратегических концепта*, Астана.

Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии. В будущее без барьеров: региональное сотрудничество в области человеческого развития и обеспечения человеческой безопасности (2005), Региональное бюро ПРООН по странам Европы и странам Содружества Независимых Государств, режим доступа: https://www.un.org/ru/development/hdr/central_asia_2005.pdf (дата обращения: 20.03.2021).

Икромов, Д.З. (2019), *Международная миграция из стран Центральной Азии в Россию: оценка влияния на социально-экономическое развитие,* Душанбе.

Казанцев, А.А., Звягельская, И.Д., Кузьмина, Е.М., Лузянин, С.Г. (2016), "Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии", *Российский совет по международным делам (РСМД),* № 28, Москва.

Кара-Мурза, С.Г. (2002), *Белая книга, Экономические реформы в России 1991-2001,* Москва.

Карицкая, И.М., Ситникова, Я.В., Маркасова, О.А. (2017), "Торговые отношения России и Китая – ключевые стратегические инициативы", *Международный научно-исследовательский журнал,* № 2 (56), часть 3, сс. 24-28.

Лифань, Л., Шиу, Д. (2004), "Геополитические интересы России, США и Китая в Центральной Азии", *Центральная Азия и Кавказ, Швеция,* № 3, сс. 161-168.

Лузянин, С.Г. (2018), *Россия – Китай: формирование обновленного мира,* Москва.

Малева, Т.М. (2019), *Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 – апрель 2019,* Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва.

Наумкин, В.В., Звягельская, И.В., Войко, Е.В., Грозин, А.В., Коргун, В.Г., Кузьмина, Е.М., Малышева, Д.Б., Притчин, С.А., Хейфец, Б.А. (2013), "Интересы России в Центральной Азии: содержание перспективы, ограничители", *Российский совет по международным делам (РСМД),* №10, Москва.

Пластинина, Л.И., Корзин, Н.С. (2020), "Железнодорожный транспорт в транспортной системе накануне распада СССР", *История и перспективы развития транспорта на севере России,* № 1, сс. 62-64.

Синицина, И. (2012), *Экономическое взаимодействие России и стран Центральной Азии: тенденции и перспективы,* Высшая школа развития, Институт государственного управления и политики Университета Центральной Азии (Кыргызстан), доклад № 5.

Султанов, Б.К. (2019), *Инициатива «Один пояс и один путь» и перспективы социально-экономического и общественно-политического развития стран Центральной Азии,* Научно-исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета, Алматы.

Сыроежкин, К.Л. (2006), *Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии,* Алматы.

Фань, С. (2018), *Взаимодействие России и Китая в сфере региональной безопасности в Центральной Азии: механизмы и стратегии: автореф. дис. … к.п.н.,* Москва.

Чжэн, Ж. (2008), *Сотрудничество России и Китая в борьбе с международным терроризмом в рамках ШОС: автореф. дис. … к.п.н.,* Москва.

Чжэньпэн, Л. (2019), *Китайская политика в Центральной Азии (2000 – 2017 гг.): автореф. дис. … к.п.н.,* Владивосток.

Чуфрин, Г.И. (2010), *Россия в Центральной Азии,* КИСИ при Президенте РК, Алматы.

Arvis, J.-F., Raballand, G. and Marteau, J.-F. (2010), *The Cost of Being Landlocked: Logistics Costs and Supply Chain Reliability,* World Bank, available at: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/2489 (accessed 22.11.2020).

Blank, S. (2017), "China in Central Asia: The Hegemon in Waiting?", *Eurasia in Balance: The US and the Regional Power Shift,* pp. 149-182.

Blank, S. (2021), *Central Asia and the Great Powers After Afghanistan,* Tillotoma Foundation, India.

Blank, S. and Kim, Y. (2016), "Does Russo-Chinese Partnership Threaten America's Interests in Asia?", *Orbis*, No. 60 (1), pp. 112-127.

Brzezinski, Z. (1997), *The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives,* Basic Books, NY.

Cornell, S.E. and Swanström, N. (2020), *Compatible Interests? The EU and China's Belt and Road Initiative,* Swedish Institute for European Policy Studies.

Faisal, J. (2021), "Impact of Sino-Russia Cooperation and Competition on Central Asia after 9/11: An analytical study", *Journal of European Studies,* Vol. 37, No. 1, pp. 80-91.

Hurley, J., Morris, S. and Portelance G. (2018), "Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective", *CGD Policy Paper*, Center for Global Development, Washington, DC.
Kazakhstan: Country Report (2003 - 2008), The Economist Intelligence Unit, available at: https://www.eiu.com.
Kyrgyzstan: Country Report (2003 - 2008), The Economist Intelligence Unit, available at: https://www.eiu.com.
Molnar, E. and Ojala, L. (2003), "Transport and Trade facilitation Issues in the CIS 7", *Kazakhstan and Turkmenistan: paper for the Lucerne Conference of the CIS-7 Initiative,* 20-22 January 2003.
Rauf, S. (2017), "Changing Geopolitical Dynamics in Central Asia: Causes and Effects", *Strategic Studies (Islamabad),* Vol. 37, No. 17, pp. 149-165.
Sachdeva, G. (2018), "Indian Perceptions of the Chinese Belt & Road Initiative", *International Studies*, Vol. 55, No. 4, pp. 285-296.
Tajikistan: Country Report (2003 - 2008), The Economist Intelligence Unit, available at: https://www.eiu.com.
The Future of Nation-States (2017), Conference Report. Afghan Institute for Strategic Studies, Herat, Afghanistan, available at: https://www.aiss.af/assets/aiss_publication/3fbf86ad784a0c62fd38e49b38832b7a.pdf.
Turkmenistan: Country Report (2003 - 2008), The Economist Intelligence Unit, available at: https://www.eiu.com.
Uyama, T. (2018), "Sino-Russian Coordination in Central Asia and Implications for U.S. and Japanese Policies Asia Policy", *Asia Policy,* Vol. 13, No. 1, pp. 26-31.
Uzbekistan: Country Report (2003 - 2008), The Economist Intelligence Unit, available at: https://www.eiu.com.

doi: 10.53658/RW2021-1-1-52-66

Comparison of the Economic Relations of Russia and China with Central Asian Countries

Mirzokhid A. Rakhimov, Vladimir V. Paramonov

Uzbekistan contemporary history center of the Academy of Sciences of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan).

Abstract. Central Asia (CA) is one of the key regions in the foreign policy of the Russian Federation (RF) and the People Republic of China (PRC). The interaction of the countries of CA with RF and PRC, the Russian and Chinese involvement in the affairs of the region have inherent characteristics. The significance of the region and its specific states for Russia and China differ, as well as the nature of the relationship of this large group of actors with each other and the rest of the world. This paper analyzes the main directions of the relations of CA with the RF and PRC using an integrated, systemic, comparative-comparative and interdisciplinary approaches. Authors note, that the economic relations of the countries of region with Russia and China are diverse, multi-dimensional and multi-format. They identify and discuss the following key issues: (1) economic and geographical isolation of Central Asia, as well as a number of territories of Russia and China; (2) raw-resource orientation of most economies of the region; (3) weak economic integration in CA, as well as within the framework of concrete key institutions; (4) asymmetry of economic development of Russia and China. It is indicated that it is precisely the solution of strategic tasks that can and should become the main incentive for building mechanisms of multifaceted and full-fledged cooperation at the bilateral and multilateral levels, not only between Central Asia and China, but also between Central Asia and the Russia. This should facilitate the process of regional and

interregional economic integration in the interior of the continent to a qualitatively new level, initiate the formation of sustainable institutional framework designed to ensure integrated security (economic, political, social and other) and the progressive development of Eurasia.

Keywords: Central Asia, Russia, China, relations, economics

About the authors: Mirzokhid Akramovich RAKHIMOV – DSc (Hist.), Professor, head of department at Uzbekistan contemporary history center of the Academy of Sciences of Uzbekistan. ORCID: 0000-0001-5414-8498. *Address:* 70 Y. Gulomov str., Tashkent, Uzbekistan, 100047. *E-mail:* mirzonur@yahoo.com; mirzohidr@mail.ru. Vladimir Vladimirovich PARAMONOV – PhD (Polit.), doctoral student at Uzbekistan contemporary history center of the Academy of Sciences of Uzbekistan, director of the Central Eurasia Analytical Group. *Address:* Y. Gulomov str., 70, Tashkent, Uzbekistan, 100047. *E-mail:* ceasiapost@gmail.com; v_paramonov@yahoo.com.

References

Alimov, R.M., Arifhanov, Sh.R., Rizaev, S.R. and Tolipov, F.F. (2002), *Central Asia: Geoeconomics, geopolitics, secutiry* [*Tsentral'naya Aziya: geoekonomika, geopolitika, bezopasnost*], Tashkent (in Russian).

Arvis, J.-F., Raballand, G. and Marteau, J.-F. (2010), *The Cost of Being Landlocked: Logistics Costs and Supply Chain Reliability,* World Bank, available at: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/2489 (accessed 22.11.2020).

Auelbaev, B.A. (2016), *Central Asia – 2020: four strategic concepts* [*Tsentral'naya Aziya – 2020: chetyre strategicheskikh kontsepta*], Astana (in Russian).

Blank, S. (2017), "China in Central Asia: The Hegemon in Waiting?", *Eurasia in Balance: The US and the Regional Power Shift*, pp. 149-182.

Blank, S. (2021), *Central Asia and the Great Powers After Afghanistan*, Tillotoma Foundation, India.

Blank, S. and Kim, Y. (2016), "Does Russo-Chinese Partnership Threaten America's Interests in Asia?", *Orbis,* No. 60 (1), pp. 112-127.

Brzezinski, Z. (1997), *The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives*, Basic Books, NY.

Central Asia Human Development Report, Bringing down barriers: Regional cooperation for human development and human security (2005), UNDP Regional Bureau for Europe and the Commonwealth of Independent States, available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/central_asia_2005_en.pdf (accessed: 20.03.2021).

Chufrin, G.I. (2010), *Russia in Central Asia* [*Rossiya v Tsentral'noi Azii*], KAZISS under the President of the Republic of Kazakhstan, Almaty (in Russian).

Cornell, S.E. and Swanström, N. (2020), *Compatible Interests? The EU and China's Belt and Road Initiative*, Swedish Institute for European Policy Studies.

Faisal, J. (2021), "Impact of Sino-Russia Cooperation and Competition on Central Asia after 9/11: An analytical study", *Journal of European Studies*, Vol. 37, No. 1, pp. 80-91.

Fan, X. (2018), *Russian-Chinese cooperation in regional security in Central Asia: mechanisms and strategies:* Author's thesis [*Vzaimodeistvie Rossii i Kitaya v sfere regional'noi bezopasnosti v Tsentral'noi Azii: mekhanizmy i strategii: avtoref. dis.*], Moscow (in Russian).

Hurley, J., Morris, S. and Portelance G. (2018), "Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective", *CGD Policy Paper*, Center for Global Development, Washington DC.

Ikromov, D.Z. (2019), *International migration from Central Asian countries to Russia: an assessment of the impact on socio-economic development* [*Mezhdunarodnaya migratsiya iz stran Tsentral'noi Azii v Rossiyu: otsenka vliyaniya na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie*], Dushanbe (in Russian).

Kara-Murza, S.G. (2002), *The White Paper. Economic Reforms in Russia 1991-2001* [*Belaya kniga, Ekonomicheskie reformy v Rossii 1991-2001*], Moscow (in Russian).

Karytskaya, I.M., Sitnikova, Y.V. and Markasova, O.A. (2017), "Trade relations between Russia and China are key strategic initiatives", *International Research Journal* ["Torgovye otnosheniya Rossii i Kitaya – klyuchevye strategicheskie initsiativy", *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*], No. 2 (56), part 3, pp. 24-28 (in Russian).

Kazakhstan: Country Report (2003 - 2008), The Economist Intelligence Unit, available at: https://www.eiu.com.

Kazantsev, A.A., Zjagelskaya, I.D., Kuzmina, E.M. and Luzyanin, S.G. (2016), "Prospects for cooperation between Russia and China in Central Asia", *Russian International Affairs Council (RIAC)* ["Perspektivy sotrudnichestva Rossii i Kitaya v Tsentral'noi Azii", *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)*], No. 28 (in Russian).

Kyrgyzstan: Country Report (2003 - 2008), The Economist Intelligence Unit, available at: https://www.eiu.com.

Lifan, L. and Shiu, D. (2004), "Geopolitical interests of Russia, the USA and China in Central Asia" ["Geopoliticheskie interesy Rossii, SShA i Kitaya v Tsentral'noi Azii"], *Central Asia and the Caucasus, Sweden*, No. 3, pp. 161-168 (in Russian).

Luzyanin, C.G. (2018), *Russia – China: Shaping a New World* [*Rossiya – Kitai: formirovanie obnovlennogo mira*], Moscow (in Russian).

Maleva, T.M. (2019), *Monthly monitoring of the socio-economic situation and well-being of the population: 2015 – April 2019* [*Ezhemesyachnyi monitoring sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya i samochuvstviya naseleniya: 2015 – aprel' 2019*], Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow.

Molnar, E. and Ojala, L. (2003), "Transport and Trade facilitation Issues in the CIS 7", *Kazakhstan and Turkmenistan: paper for the Lucerne Conference of the CIS-7 Initiative*, 20-22 January 2003.

Naumkin, V.V., Zvyagelskaya, I.V., Voiko, E.V., Grozin, A.V., Korgun, V.G., Kuzmina, E.M., Malysheva, D.B., Pritchin, S.A. and Kheifets, B.A. (2013), "Russia's interests in Central Asia: Perspective, Content, Limitations", *Russian International Affairs Council (RIAC)* ["Interesy Rossii v Tsentral'noi Azii: soderzhanie perspektivy, ogranichiteli", *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)*], No. 10 (In Russian).

Plastinina, L.I. and Korzin, N.S. (2020), "Railway transport in the transport system on the eve of the collapse of the USSR", *The History and Prospects of Transport Development in the North of Russia* ["Zheleznodorozhnyi transport v transportnoi sisteme nakanune raspada SSSR", *Istoriya i perspektivy razvitiya transporta na severe Rossii*], No. 1, pp. 62-64 (in Russian).

Rauf, S. (2017), "Changing Geopolitical Dynamics in Central Asia: Causes and Effects", *Strategic Studies (Islamabad)*, Vol. 37, No. 17, pp. 149-165.

Sachdeva, G. (2018), "Indian Perceptions of the Chinese Belt & Road Initiative", *International Studies*, Vol. 55, No. 4, pp. 285-296.

Sinitsina, I. (2012), *Economic interaction between Russia and the Central Asian countries: trends and prospects* [*Ekonomicheskoe vzaimodeistvie Rossii i stran Tsentral'noi Azii: tendentsii i perspektivy*], Higher School of Development, Institute of Public Administration and Policy, University of Central Asia (Kyrgyzstan), report 5 (in Russian).

Siroezhkin, K.L. (2006), *Problems of modern China and security in Central Asia* [*Problemy sovremennogo Kitaya i bezopasnost' v Tsentral'noi Azii*], Almaty (in Russian).

Sultanov, B.K. (2019), *One Belt – One Way initiative and the prospects for socio-economic and socio-political development of the countries of Central Asia* [*Initsiativa 'Odin poyas i odin put'' i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo i obshchestvenno-politicheskogo razvitiya stran Tsentral'noi Azii*], University of Kazakhstan-Germany Research Institute for International and Regional Cooperation, Almaty (in Russian).

Tajikistan: Country Report (2003 - 2008), The Economist Intelligence Unit, available at: https://www.eiu.com.

The Future of Nation-States (2017), Conference Report. Afghan Institute for Strategic Studies, Herat, Afghanistan, available at: https://www.aiss.af/assets/aiss_publication/3fbf86ad784a0c62fd38e49b38832b7a.pdf.

Turkmenistan: Country Report (2003 - 2008), The Economist Intelligence Unit, available at: https://www.eiu.com.

Uyama, T. (2018), "Sino-Russian Coordination in Central Asia and Implications for U.S. and Japanese Policies Asia Policy", *Asia Policy*, Vol. 13, No. 1, pp. 26-31.

Uzbekistan: Country Report (2003 - 2008), The Economist Intelligence Unit, available at: https://www.eiu.com.

Zheng, J. (2008), *Cooperation between Russia and China in the fight against international terrorism within the SCO:* Author's thesis [*Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v bor'be s mezhdunarodnym terrorizmom v ramkakh ShOS: avtoref. dis.*], Moscow.

Zhenpeng, L. (2019), *Chinese Policy in Central Asia (2000 – 2017):* Author's thesis [*Kitaiskaya politika v Tsentral'noi Azii (2000 – 2017): avtoref. dis.*], Vladivostok.